

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

БУКВАРЬ ИВАНА ФЕДОРОВА

В начале 1955 г. в «Бюллетене» библиотеки Гарвардского университета (США) были опубликованы снимки с единственного известного в настоящее время экземпляра печатного издания букваря, осуществленного русским печатником Иваном Федоровым во Львове в 1574 г. Снимки сопровождаются статьей Р. Якобсона. Статья посвящена истории издания, изложению его содержания и краткому анализу. Небольшие добавления (Appendix), написанные Вильямом А. Джексоном, содержат замечания по истории рассматриваемого экземпляра и его палеографии и соображения книгоиздательского характера¹.

После опубликования снимков и указанных статей у нас также появились статьи, посвященные букварю Ивана Федорова², но ни одна из них не касается собственно лингвистических вопросов.

Рассматриваемый букварь представляет собой наиболее раннее из известных до сих пор русских датированных руководств для начального обучения чтению и грамматике церковнославянского языка.

В Bodleianской библиотеке в Оксфорде и в библиотеке Трикити-колледжа в Кембридже в Англии хранятся экземпляры более раннего анонимного и не датированного русского букваря. Р. Якобсон устанавливает путем сравнения, что этот букварь не принадлежит Ивану Федорову, его шрифт является лишь имитацией шрифта последнего; орфографические условности выдерживаются в анонимном букваре менее последовательно.

Букварь Ивана Федорова содержит в первой части азбуку, а также образцы склонения и спряжения церковнославянского языка, обучение которому является основной задачей книги; во второй части (стр. 49—77) находятся церковнославянские тексты для чтения и запоминания: известный азбучный акrostих, молитвы, символ веры, отрывки из Соломоновых притчей и из посланий апостола Павла. Заглавие книги, определяющее ее содержание, находится на стр. 9; а «На лявка Ф книги (фемечтынъ, сирѣкъ) грамматики» (на предыдущих страницах находятся лишь алфавит и буквенные сочетания — слоги — для упражнения в чтении).

Материал, содержащийся в букваре, представляет определенный интерес в лингвистическом отношении. В данной статье будут рассмотрены некоторые лингвистические вопросы, причем главным образом те, которые или совсем не получили освещения в статье Р. Якобсона, или не освещены ей в достаточной степени.

Указывая на то, что львовские издания Ивана Федорова отражают московский вариант церковнославянского языка, Р. Якобсон отмечает вместе с тем, что в рассматриваемом львовском букваре более строго проведены сравнительно с недатированным московским букварем тенденции избегать формы живого народного языка (так, например, дат. и местн. падежи личного местоимения 1-го лица ед. числа постоянно в форме *тѣкъ*;ср. *тѣкъ* в московском букваре). Это стоит в связи с общей эволюцией церковнославянского текста на Украине в сторону очищения его от просторечных элементов. В то же время Р. Якобсон отмечает, что в надписях, не относящихся к самому тексту букваря, Иван Федоров употребляет в рассматриваемом издании формы, заимствованные из украинского и белорусского языка. Ср. выходные данные в конце книги: *Бѣларускіе*

¹ См. R. Jakobson, Ivan Fedorov's primer, «Harvard library bulletin», vol. IX, № 1, Cambridge, Mass., 1955.

² См.: В. С. Люблинский, Судьба памятника и его значение в истории отечественного книгопечатания, ИАН ОЛІЙ, 1955, вып. 5; Т. А. Быкова, Место «Букваря» Ивана Федорова среди других начальных учебников, там же.

зелёкъ, **рекъ**, **а**, **жъд.** (стр. 79). Впрочем, как замечает Р. Якобсон, впоследствии, по переезде из Заблудова и Львова в Острог, Иван Федоров вернулся к московским формам.

Наибольший интерес в рассматриваемом букварте (как в приводимых парадигмах, так и в образцах для чтения) представляет сочетание церковнославянских особенностей и черт, свойственных живому русскому или другим восточнославянским языкам, в частности украинскому. Специальный интерес представляет тот факт, что формы, приводимые в парадигмах и в текстах, несколько отличаются друг от друга; Р. Якобсон в своей статье этой стороне дела совсем не уделяет внимания.

Книга открывается, как уже сказано, славянской азбукой и буквенными сочетаниями, предназначенными для упражнения в чтении, т. е. «складами» (или «слогами»). Отметим здесь некоторую непоследовательность в написании отдельных сочетаний. Например, буква ж приводится на стр. 4 как в строке сочетаний с **с** (жс), так и в строке сочетаний с **ю(жю)**. Первое из этих написаний является обычным для памятников XVI в., когда пишущие ш, ж в восточнославянских языках за исключением немногих говоров были уже твердыми. Второе же написание характерно для древнерусских памятников той эпохи, когда пишущие были мягкими, и сохранение его может быть объяснено лишь традицией.

В графике и орфографии буквартя следует отметить постоянное употребление ы для обозначения звука *u* и употребление **а** для обозначения как *a* после мягкого согласного, так и сочетания *ja* (ср., например: **въразблъютъ**, **дамъ**, **въразблъжъ**; стр. 10); однако несколько раз встречаем и **и** (только для *ja*).

В отношении написания гласных после шипящих и ц следует отметить постоянное употребление **и** после ц, отражающее отвержение соответствующего согласного, но параллельно с этим написание **и** после шипящих. Ср.: **ицьы** (стр. 9), **ицьты** (стр. 49), **Щы** (стр. 72), **въ сръцы** (стр. 39); **но ширити**, (стр. 22), **мержите** (стр. 20), **двѣри-** (там же) и т. д.

Второе южнославянское влияние в букварте почти не оказывается. В соответствии с общеславянскими *kt*, *tj*, *dj* наблюдается постоянно ч, но ж наряду с жд. Ср. **щѣли** (стр. 69), **хѣфъ** (стр. 79), **цѣниѣ** (стр. 61), **Сѣль ѡжъ**, **мѣдъ** (стр. 72), **вѣжѣ** (стр. 45). Надеждливожжий **вѣжѣхъ** (стр. 70), **сѣтѣ/ржены** (стр. 62), но имѣти **надѣжъ** (стр. 71), **надѣждъ**, **надѣда** (стр. 72), сковождѣмъ (стр. 48) **вѣ/ждени**, **вѣждѣтъ** (стр. 11), **вѣждка**, **вѣждета**, **вѣждемъ**, **вѣждѣ/найдѣ/вѣждѣтъ** (стр. 12; заметим, что глагол **вѣждени** был вообще книжным, но свойственным живой речи). В соответствии общеславянскому *zg* мы находим, с одной стороны, **жа** (ср. **вѣждѧти**, стр. 79), с другой — **ж**, передающее, вероятно, долгое ж (ср. **вѣждѣни**, стр. 73).

Обращает на себя внимание в целом последовательное выдержанное написание **ж** в соответствии с этимологией в самых различных условиях — под ударением и без ударения, перед твердыми и перед мягкими согласными, на конце слова. Ср., например: **испокѣ/дѣю**, (стр. 55), **г҃ѣхъ**, (стр. 45), **сѣкѣтъ** (стр. 46), **вѣхъ вѣкъ** (стр. 53), **сѣмѣни**, (стр. 60), **ицѣтъ** (стр. 54), **вѣч/а/вѣчнаша**, (стр. 53—54), **ирафѣдѣ/мое** (стр. 56), **сѣтѣ/тило** (стр. 49), **вѣнѣрѣ** (стр. 62), **вѣ/дѣти** (стр. 66), **вѣскѣ мѣ/рѣскаго** (стр. 66), **вѣслѣвѣкъ** (стр. 56) и т. д. Случай употребления **и** в соответствии этимологическому **ж** очень немногочисленен. Если исключить написание **и** в неполногласных сочетаниях, восходящих к **tert*, то случаи эти следующие: **раздѣниша** (стр. 47), **венѣцъ** (там же), но здесь может быть и опечатка под влиянием следующего **и** (из **и** в сильном положении). В форме **вѣдѣни** (стр. 67) — вин. падеж дв. числа — употребление **и** вместо **ж**, может быть, обусловлено тем, что эта форма давно уже перестала быть живой. В формах местн. падежа множественного числа склонения на **и** — **в заповѣдѣхъ** (стр. 62), **ицѣ/си** (стр. 76) — наличие **и** закономерно (из **и** в сильном положении). Форма местного падежа местоименного прямогоательного — **и мѣтѣ грѣшишъ** (стр. 56) — содержит **и** вместо этимологического **ж**, но форма эта книжная, не свойственная живому языку. Ни одного случая **ж** вместо **и** в букварте не отмечено. Форма **на вѣскѣ** (стр. 46) не показательна в данном отношении, поскольку это слово в русском языке очень рано примикило к склонению с основой **на -и**.

На стр. 48 мы находим один пример с **о** вместо **а** в заударию неконечном слоге — **цилѣбтами** (твор. падеж мн. числа), который мог бы свидетельствовать об акающем произнесении, если бы не относился к весьма распространенному типу описок и опечаток (**о** вместо **а** под влиянием **о** в precedingующем слоге).

Грамматические формы, содержащиеся в парадигмах, иногда сопровождаются замечаниями, представляющими собой попытку обяснить их употребление, иногда дается и название форм, и таким образом, мы встречаемся в букварте с грамматическими терминами; большей же частью формы просто приводятся в определенном порядке. Так, в приводимом на стр. 9 образце спряжения настоящего времени, в котором, как уже отметил Р. Якобсон, собственно объединены два глагола — **быти** и **будити** (въжу), указано употребление различных лиц и чисел, причем показано не-

только сочетание с личными и указательными местоимениями, но и употребление форм двойственного числа, которые, конечно, не были уже живыми, а также истолковано употребление форм 1-го, 2-го и 3-го лица мн. числа. Ср. *бѣдѧ. ѿнъ.* (об этой форме дальше будет сказано особо) *бѣдѧши. тѡь/ бѣдѧти тѡи.* *бѣдѧка. мѡи дѧ.* / *бѣдѧта. вѣдѧ/ бѣдѧмо.* *Семибюмнози/* ^T*бѣдѧти. бѣдѧни миози/* *бѣдѧ. ѹкобы иѣцы на/на глю,* іай мы на ^x*дрѹги.*

На стр. 19 названа форма страдательного залога, хотя фактически приведены возвратные формы (но без указания, что это настоящее время), которые, впрочем, имеют в русском языке, как известно, и страдательное значение, а затем приведены

различные формы прошедшего и будущего времени этого залога: *Страдаѧна сѣть тѣко бѣдѧса, в і єниса, бїє/тсѧ, вїє/са/са, вїє/та/са, вїє/мса, вїє/теса/вїєтса.* И далее: *Страдаѧнаго бѣко залога/времени.* *сїнци/бїютсѧ/* предѣбывшее, протяжное, *вїа/хѣмса.* непре/дѣльное, *вїа/хѣмса.* Настоящие, *вїа/тъмса/* помѣтъ бытия, *вїи/та хотатъ.* *бѣдѧ/шес, бѣдѧти мѡст/.* Терминология времен, как легко видеть, большей частью соответствует нашим позднейшим грамматикам (например, Адельфотису и грамматике Лаврентия Зизания) и восходит к той терминологии, которая принята была у Псевдодамаскина. Впрочем для обозначения давнопрощедшего употребляется термин «предѣбывшее», а не «пресвершенное», как в Адельфотисе, так и у Зизания, причем одна и та же форма приводится и для «предѣбывшего», и для «протяженнаго». Заметим, что эти времена выражаются по существу вариантами одной и той же формы и в других наших старинных грамматиках, иногда же и вообще не разграничиваются (ср., например, парадигмы глагола *спасаю* у Зизания).

Текст букваря Ивана Федорова интересен тем, что он акцентуированный и, таким образом, пополняет общее количество дошедших до нас русских акцентуированных текстов XVI в. Указываемые в нем ударения, по крайней мере в большей части случаев, отражают живое ударение того времени, свойственное определенной части русских диалектов.

Р. Якобсон обратил внимание на случаи архаического ударения в букваре, встречающиеся в настоящем времени в североевропейских говорах и украинском языке¹. Речь идет о глаголах со старым конечным ударением, во 2-м лице мн. числа падающим на окончание *-те*: *варитъ, генеритъ, врятъ, креститъ,* (стр. 20), *родитъ, тверитъ* стоятъ, *ѹчитъ, читъ* (стр. 21). По такому же типу идет и *дражитъ* (стр. 20; последний глагол в превности относился к описываемому типу. Ср. серб. *држати* — *дражиши*, а также *держашъ* в старом академическом словаре, на который ссылается и П. Буайе²). Следует, однако, отметить, что в глаголах, приналежащих по характеру ударения к старому подвижному типу, а также в глаголах со старым постоянным ударением на основе в словаре Ивана Федорова во 2-м лице мн. числа имеем также ударение на основе, о чем свидетельствуют такие случаи, как: *мѣните, нѣсите, єѣбенте, прѣсните, ѿгните* *Шѣнните* (стр. 21), *ширитъ* (стр. 22).

Особый интерес представляет то обстоятельство, что автор букваря сознательно относится к той роли, которую имеет ударение в различении смысла. В его книге есть особый раздел, посвященный ударению, или (как это принято у наших старинных грамматиков, следующих античной традиции) «прозодии». В этом разделе собраны слова и формы, различающиеся лишь ударением. Раздел открывается словами:

Попрѣзди. дѣже. дѣ/чи вѣдѣніи леꙗдне./ сї ѿсть, *попрѣздина/* *попрѣздина/* (стр. 20). Далее приводятся формы 2-го лица мн. числа повелительного и изъявительного наклонения, различающиеся лишь местом ударения, здесь же встречаются и пары различных слов (но глаголов), различающихся лишь ударением. Ср.: *варитъ, варитъ;* *говоритъ, говоритъ;* *дражитъ, дражитъ;* *врятъ, врятъ;* *креститъ, креститъ;* (стр. 20); *любитъ, любитъ;* *носите, носите;* *ѣѣбенте, єѣбенте;* *прѣсните, прѣсните;* *родитъ, родитъ;* *тверитъ;* *ѹчитъ, ѿчитъ;* *хвалите, хвалите;* *Шѣнните, Шѣнните;* *читъ, читъ,* (стр. 21); *ширитъ, ширишъ;* *щедрите, щедрите* (стр. 22). Под бунной в стоят формы повелительного наклонения 2-го лица ед. числа различных глаголов: *вѣди, вѣдъ* (стр. 20); под буквой *и* — два существительных, различающихся местом ударения: *мѣка, мѣка* (стр. 21); под буквой *ж* — два существительных, имеющих ударение в одном случае на корне, в другом — на суффиксе: *жнайще, жнайще* (стр. 20); под *и* стоят слова *іродѣ* и *іродѣ!* (может быть, *юрѣль, юрѣль?*); под *и* — твор. наимен мн. числа местоимения и повелительное наклонение глагола, опять-таки различающиеся только ударением: *йми, ймъ* (стр. 20). Повидимому, формы 2-го лица мн. числа настоящего времени изъявительного наклонения представлены под бунной *и* *цѣлите, цѣлите* (стр. 21); впрочем для первого из этих глаголов форма повелительного наклонения 2-го лица мн. числа омонимически совпадает (включая ударение) с формой настоящего времени.

¹ См. R. Jakobson, указ. соч., стр. 18 и сл.

² См. P. Booyer, De l'accentuation du verbe russe, Paris, 1895, стр. 41.

Как указывает Р. Якобсон, материал, представленный в букваре Ивана Федорова, синиз и даже частично совпадает с материалом сочинения, называемого «Книга глаголема буквы», известного по различным русским рукописям XVI—XVII вв., где по ударению имеются даже более полные данные, чем в рассматриваемом букваре¹.

Представляют интерес некоторые факты, относящиеся к чередованию гласных, характеризующему определенные морфологические отношения. Так, производный приставочный глагол III класса *сънекламътъ* имеет *о* в корне во всех формах: *сънекламътъ*, *сънекламътъ*, *сънекламътъ*, *сънекламътъ*, *сънекламътъ*, *сънекламътъ*. (стр. 14), но наряду с этим глагол *прелагатъ*, относящийся к тому же типу, имеет в корне постоянно *а*: *прелага́тъ*, *прелага́ти*, *прелага́тъ*, *прелага́ти*, *прелага́тъ*, *прелага́тъ* (стр. 14—15);ср. также форму повелительного наклонения от глагола *съкарати*; *не съкарати* (стр. 77). В древности все эти три глагола имели в корне ступень удлинения, т. е. а. Ср.: *сънекламъти* (Новг. Минея 1096 г., сентябрь 88), *сънекламътъса* (там же 158), *прелагамъю* (Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского, 14), *съкарати* (Ефрем. Кормчая Гангр., 1), *не съкарати* (Панд. Антиоха XI в., 11). По характеру корневого гласного эти глаголы следуют сравнивать с такими, как *съмечити*, *прелажити*, *съкарати*, от которых они образованы. Производный характер особенно отчетливо выступает в глаголах *сънекламъти* и *съкарати* благодаря наличию в их основе сочетаний *r'l < ej < ri*, а также *r' < rj < r* перед последующим гласным. Чередование *о/а*, широко распространяющееся в некоторых более поздних глагольных образованиях (например, в глаголах из *-ига*, *-уга*), в более старых образованиях нередко устраивалось за счет распространения во всех формах гласного *е*, что отражено уже в памятниках XIV в. Ср., например, уже отмеченное мною в Переяславском евангелии 1354 г. *пелега́хутъ* вместо более древнего *пелага́хутъ*². В букваре также отражается процесс распространения *е*, причем находим его в таком глаголе, как *сънекламъти*, при наличии *а* в глаголе *прелагатъ*, т. е. отношения здесь несколько иные, чем, например, в упомянутом выше Переяславском евангелии. Вероятнее всего буква *о* представлена в нашем букваре в первую очередь в словах, свойственных живой речи; слово *прелагатъ*, несомненно, принадлежит книжному слою лексики, оно и сохраняет старую ступень корневого гласного *а*. Книжному слою принадлежит и *съкарати*.

Отношения форм с *о* и *а* в букваре очень напоминают отношения, наблюдавшиеся в современной орфографии³, где глаголы несовершенного вида, принадлежащие к разговорному слою, имеют написание *о* (например, *помогать*, *обносить* так же, как *помочь*, *обнести*), принадлежащие же к книжному слою — *а* (например, *полагать*, *наглагать*). Аналогичные отношения были указаны выше при рассмотрении глаголов, имеющих сопоставление *яд* или *ж*.

Больной интерес представляет сравнение форм, приводимых в парадигмах, которые мы находим в текстах для чтения и запоминания.

Формы, приводимые в парадигмах, как отметил Р. Якобсон⁴, находятся в определенной зависимости от грамматики Псевдодамаскина, вследствие чего имеют среднеболгарский характер. Так, 1-е лицо ед. числа настоящего времени оканчивается на *-а*. Ср., например, *върламътъ*, *върламъти*, *върламътъ* и т. д.; *глагамътъ*, *глагамъти* и т. д.; *дѣламътъ*, *дѣламъти* и т. д. (стр. 10). Значение формы на *-а* как формы 1-го лица ед. числа определяется по месту, занимаемому ею в парадигме. Как предполагает Якобсон, эта форма была отождествлена автором с формой русского деепричастия. Об этом свидетельствует в некоторых случаях ударение, а также возможность сочетания с местоимением по 1-го лица ед. числа; ср. *бѣдѧ*, *ѣнъ* (стр. 9), занимающее в парадигме первое место, после чего идут сочетания с различными личными и не личными местоимениями: *вѣдѣши*, *ты/ѣдишъ*, *тѣн/ѣдѧши*, *мы дѣлъ* и т. д. Форму, оканчивающуюся на *-а*, в значении 1-го лица ед. числа настоящего времени мы находим и во всех русских редакциях Псевдодамаскина, например *тѣрѣшъ*, *тѣрѣши*, *тѣрѣти* и т. д., *ѣшишъ*, *ѣшиши*, *ѣшиши* и т. д.⁵

¹ См. R. Jakobson, указ. соч., стр. 21.

² См. П. С. Кузнецов, К исторической фонетике ростово-суздальских говоров, «Доклады и сообщения Ин-та русского языка [АН ССР]», вып. 2, М.—Л., 1948, стр. 142.

³ Поскольку это чередование, за редкими исключениями, наблюдается в безударном положении, для литературного языка речь идет лишь об отношениях орфографических.

⁴ См. R. Jakobson, указ. соч., стр. 18.

⁵ См. И. В. Ягич, Рассуждения южнославянской и русской стариной о церковно-славянском языке, «Исследования по русскому языку», т. I, Спб., 1885—1895, стр. 339.

Ср. такие же формы *тврđ* (стр. 15), *бнжс* (стр. 19) и у Ивана Федорова. В наиболее раннем из дошедших до нас списков сербской редакции того же Псевдодамаскина формы другие. Ср., например, *тврсу*, *тврши*, *тврти* и т. д., *бню се*, *бнешн се*, *бнеть ся* и т. д.¹. Впрочем форма на *-а* могла быть поддержана и соответствующими польскими формами, поскольку букварь печатался во Львове.

Интересно отметить, что в последующих грамматиках, притом очень² близких по времени к рассматриваемому букварю (в Адельфотисе, у Зизания), не говоря уже о грамматике Дмитрия Толмача, более ранней, чем букварь, в соответствующей форме представлены окончания *-ч*, *-ю*.

Форма 1-го лица мн. числа последовательно оканчивается в букваре на *-мо*, например: *бнжмо*, (стр. 9), *въразбламо*, *гл/бламо даумо* (стр. 10), *бламо*, *живи/мо*, *зримо*, (стр. 11), *внждмо*, *йзбакламо*, (стр. 12), *носимо* (стр. 14), *твримо* (стр. 15), *хвал/мо* (стр. 16) и т. д. Эта форма также может восходить к болгарскому оригиналу Псевдодамаскина; мы находим ее в русских редакциях последнего (ср. *твримо*, *тврите*, *тврать*³). В упомянутом выше сербском списке — окончание *ль* — *твримъ*³. Окончание *-мо* могло быть поддержано также влиянием украинского и польского языков, хотя по месту ударения приводимые формы не всегда соответствуют украинским.

Впрочем в страдательном залоге («страдатели»), представлена по существу, как уже было сказано, возвратными формами, находим в букваре, как и в русских редакциях Псевдодамаскина, *-м*: *бнжм* (стр. 19).

Если мы обратимся к текстам для упражнения в чтении и заучивании, то найдем там другие формы 1-го лица настоящего времени. В единственном числе последовательно проведено окончание *-ч* (после мягких согласных и в сочетании с предшествующим *j* — графически *ю*), во множественном же числе столь же последовательно *-мъ*. Ср., например, примеры для 1-го лица ед. числа из Симгела Еверы: *Бкѹю влѣдніго єг. а.* (стр. 52); *чайю/въскрѣвія мѣткымъ* (стр. 55); ср. также: *йко да всігда въспѣхнѧю/словослѣдѣй и гло* (стр. 57); *про/щѣ имелісѧ тиѣкъ* (стр. 67); *внжѣ всію тайнѣ* (стр. 45); также в послесловии Ивана Федорова: *потрѣдѣти/са хешѣ.* (стр. 79); для 1-го лица мн. числа из молитвы господней: *їкже й/мы съставляемъ дель/жиномъ наши.* (стр. 51); из молитвы Василия Великого: *пресвѣтѣлисѧ* (стр. 62); ср. также: *Прайдѣти вѣкленимъ* (стр. 52) — эта форма встречается трижды. Впрочем возвратная форма, как уже было сказано, и в параллехах представлена окончанием *-м* (отсутствие *ъ* и там и здесь объясняется тем, что для XVI в. *ъ* в основном используется как показатель конца слова, сочетание же глагольной формы с эпилитическим возвратным местоимением осознавалось уже как единное слово).

В качестве материала для упражнения в букваре используются, как уже говорилось, различные наиболее широко распространенные тексты церковно-религиозного характера; представленные в этих текстах формы принадлежали русскому церковнославянскому языку. Но отношение к формам 1-го лица заметим, что они были одинаковыми и в церковно-славянском, и в живом русском (именио великорусском) языке, уже обособившемся в это время от украинского и белорусского.

В формах 3-го лица единственного и множественного числа последовательно находим написание *ть* — указывающее на твердость *-тъ* (нередко заменяется паерком; без *ъ* это окончание пишется также в случае выноса т на строку); например: *вѣдѣть* (стр. 9), *въра/змѣять* (стр. 10), *живѣть* (стр. 11) и т. д.; *въра/змѣять* (стр. 10), *живѣть* (стр. 11), *мѣдѣять* (стр. 14) и т. д. Лишь в формах вспомогательного глагола представлено окончание *-чъ*. Ср.: *внѣнѣ/истъ дѣбрѣи* (стр. 72); *Страд/ана єсть тѣко* (стр. 19). Вероятнее всего, что отравляющееся в написаниях букваря твердое *т* в формах 3-го лица глагола спидетоствует на твердом *т* не только в русском церковнославянском, но и в живом русском языке; отвердение *т* в глагольных формах, как известно, имело место в североизолированном наречии, но охватило и переходные говоры, восходящие в основном к северным, в том числе и московский говор, вследствие чего вошло в состав норм московского литературного языка, которым следует, по крайней мере первоначально, и Иван Федоров. Сохранение мягкого *-т* в формах 3-го лица вспомогательного глагола, утратившего в живой речи остальные личные формы и вследствие этого выпавшего из общей глагольной системы, характерно и для северновеликорусского наречия, и для переходных говоров, и для литературного языка.

Р. Якобсон считает, что последовательное употребление форм 3-го лица с *тъ* (*m*) в букваре отражает упоминавшую выше тенденцию избегать форм, свойственных живому народному языку, которые шире представлены, по мнению Р. Якобсона, в недатированном московском букваре (ср. наличие там колебания *тъ* — *ть*). В данном

¹ Там же, стр. 333.

² Там же, стр. 339.

³ Там же, стр. 333.

случае Р. Якобсон не учитывает, что в московском говоре XVI в. в рассматриваемом окончании уже несомненно было твердое *m*. Формы 2-го лица единственного числа имеют обычно окончание -ши, причем как в парадигмах,¹ так и в текстах, например: *вѣдіши* (стр. 9), *въразмѣдѣши*, *глѣ/гѣши* (стр. 10), *жн/жини*, *зѣ/ждѣши* (стр. 11), *мѣдѣши* (стр. 13) и т. д. Наряду с этим однажды (в тексте) встретилось окончание -ша, свойственное не только живому русскому, но и другим живым славянским языкам: *вѣдѣши* (стр. 71).

Большой интерес представляет форма будущего времени. В парадигмах представлены две формы будущего времени, причем те же самые, в том же порядке расположенные и так же образующиеся, как и у Исаеводамаскина. Так, в формах страдательного залога находим: *помѣдѣкъ быѧющи*, *бѣти/тита хотѣтъ. вѣдѣши/ши быти/ма-
ймѣтъ* (стр. 19). Ср. в сербской редакции Исаеводамаскина:... *къ помѣдѣкъ быѧющио-*
*бѣти кю, коудеуциаго же бѣти имѧмъ*², в русской редакции: *къ помѣдѣкъ быѧющиаго бѣти
хочио, коудиаго же бѣти имѧмъ*³. Оба приведенных способа образования будущего времени свойственны были древним славянским языкам, в том числе и русскому; они были также характерны и для принятой на Руси формы церковнославянского языка. Но в текстах мы находим и новый способ образования будущего времени при помощи сочетания инфинитива с вспомогательным глаголом *куду*. Ср.: *шко сѣдѣти/ вѣдѣтъ тѣ
крѣдѣу їгд* (стр. 69); *вѣдѣши бѣго/ти надѣждѣ вѣпослѣ/дніи часъ.* (стр. 71); *рѣдоватися*

вѣдѣтъ сте/бю срѣде мої, йиселѣ/тина вѣдѣтъ лѣдки/ мой, кънегдѣ прѣвѣдѣ || вѣзгѣю сустѣ твоѣ (стр. 70—71). Интересно, что именно в этого рода образованиях встречается и принадлежащая живой речи уже упомянутая выше форма 2-го лица ед. числа вспомогательного глагола *вѣдѣшь*. В послесловии Ивана Федорова мы встречаем еще сочетание

инфинитива хотѣтъ: аѣ ѿй/нѣхъ пи/саніихъ бл/гоу/годныи съ/коже лѣние потрѣдити/са хотѣтъ. (стр. 79). Но, возможно, что здесь глагол *хотѣтъ* выступает не в качестве вспомогательного при образовании будущего времени, а просто выражает намерение.

Форма будущего времени, образующаяся посредством сочетания с *куду*, не может быть отнесена к книжному церковнославянскому языку. О том, что в XV в. она не была характерна и для великорусского языка, свидетельствует хотя бы тот факт, что в духовных и договорных грамотах великих и удельных князей, изданных Л. В. Черепиным, сочетание инфинитива с *куду* встречается лишь несколько раз (причем все случаи находим в одном и том же сочетании — *бѣдѣтъ держати*) в двух грамотах новосильских и одонеских князей великому князю Литовскому Казимиру (1442 и 1459 гг.), дошедших до нас лишь в западнорусской (белорусской) копии XVI в. (в составе Литовской метрики). В русском (великорусском) языке в XVI в. данная форма только еще начинает распространяться; тот факт, что она редко встречается и во второй половине XVI в., отмечает С. Д. Никифоров⁴. Как указывает А. П. Яковleva, основной формой сложного будущего времени в московских памятниках XVI в. является сочетание инфинитива с глаголом *учиу*, (*начиу*, *вчиу*), при наличии, однако, также форм с *иму* и *куду*⁵. К. Рѣслер считает, что сочетание инфинитива с *куду*, зафиксированное в западнорусских, т. е. старобелорусских памятниках с конца XIV в.⁶, лишь с конца XVI в. проникает в русский (великорусский) язык⁷ и распространяется здесь лишь в XVII в.⁷

Таким образом, возникает возможность допущения, что формы, образованные при помощи *куду*, появляются в буквавре Ивана Федорова под воздействием западнорусского (белорусского), а может быть и украинского языка, поскольку с середины XVI в. эта форма отражается и в украинских памятниках⁸. Однако, принимая во внимание, что русскому языку, по свидетельству памятников, такие формы во второй половине XVI в. также не были вполне чужды, и учитывая, что формы, вновь возникающие в живом языке, первоначально проникают в памятники в виде единичных приме-

¹ См. И. В. Ягич, *Рассуждения...*, стр. 333.

² Там же, стр. 340.

³ См. С. Д. Никифоров, *Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века*, М., 1952, стр. 179.

⁴ См. А. П. Яковлева, *К истории форм будущего времени в древнерусском языке*. Автореф. канд. дисс., М., 1953, стр. 11.

⁵ В качестве древнейшего примера Рѣслер, со ссылкой на работу Станга «Die altrussische Urkundensprache von Polozk», приводит *кудакъ дѣрица граметы Керикута 1388 г.* (См. K. Rösler, Beobachtungen und Gedanken über das analytische Futurum im slavischen, «Wiener slavistisches Jahrbuch», Bd. II, 1952, стр. 134).

⁶ См. там же, стр. 131.

⁷ См. там же, стр. 145.

⁸ См. там же, стр. 144—145.

ров, нет необходимости прибегать к предположению об их проникновении извне, хотя бы и из близко родственных языков. Еще меньше оснований для предположения, с которым выступает К. Рёслер, утверждающий, что данная форма проникала в славянские языки под влиянием немецких сочетаний инфинитива с *werden*, причем сначала она появилась в чешском языке, затем в польском, белорусском, украинском и, наконец, в русском. Почва для возникновения аналитических форм будущего времени имелась и в самих славянских языках, в том числе в русском. Широкое же распространение формы с *буду* не только в литературном языке, но и в говорах свидетельствует скорее о самостоятельном развитии этой формы в русском языке. В письменных памятниках она, конечно, могла быть поддержана (но лишь поддержана) влиянием, идущим из западных частей восточнославянской области, где эта форма развилась, повидимому, раньше.

В числе форм, отражающих явления живого языка, можно еще указать личное местоимение 1-го лица ед. числа *я* (ср. приведенную выше фразу из послесловия, начинающуюся этим местоимением-*я*, употребленным после присоединительного союза *а*), а также встречающееся иногда при обычном *-е* окончание *-го* в род. падеже единственного числа муж. и спр. рода местоименных прилагательных. Ср.: *подъ/кнего ѿданышго* (стр. 78), *шатаня тѣснѣскѣ* (стр. 48), но: *скѣраго, младѣнческаго* (стр. 78), *Шлѣкѣваго* (стр. 51), *пѣрваго/съѣбѣра* (стр. 52), *Втораго съѣбѣра* (стр. 54) и т. д.

Таковы наблюдения, которыми можно дополнить статью Р. Якобсона. Он указывает, что рассматриваемый букварь, как и другие подобные пособия,ставил своей целью выработку чистого и правильного церковнославянского языка. Сравнение парадигм и текстов свидетельствует, однако, о ряде различий в использовании системы церковнославянского языка, а также о том, что в формах букваря отражается как церковно-книжная традиция, притом частью восходящая к более раннему, выработавшемуся на русской почве церковнославянскому языку, так и струя, идущая из живого языка, хотя и представлена сравнительно небольшим количеством фактов.

П. С. Кузнецов

A. B. Десницкая. Вопросы изучения родства индоевропейских языков. — М.—Л., Изд-во АН СССР, 1955, 332 стр. (Ин-т языкоznания АН СССР.)

В последнее десятилетие в языкоznании значительно возрос интерес к проблемам индоевропейского языкоznания, в частности к вопросу о родственных отношениях индоевропейских языков. Можно указать на целый ряд монографий и статей, авторами которых являются В. Георгиев, В. Пизани, Х. Крае, Х. Недерсен, О. Хефлер, А. Шерер¹ и др., где мы находим попытку по-новому осмыслить накопленный огромный фактический материал, особенно в связи с открытием, дешифровкой и толкованием многочисленных документов на «азиатских» индоевропейских языках (клинописный и иероглифический хеттский, палайский, лувийский и др.). В центре внимания упомянутых исследователей опять оказывается вопрос, далеко не решенный и в наши дни, вызывавший столь ожесточенные споры во времена Шлейхера и Шмидта, Фика и Шрадера,—

¹ V. Georgiev, *Vorgriechische Sprachwissenschaft*, Sofia, I—II, 1941—1945; V. Pisani, *La question de l'Indo-Hittite, et le concept de parenté linguistique*, «Archiv Orientální», vol. XVII, pars 2, 1949; е г о ж е, *Glottoologia indo-europea*, Torino, 1949; е г о ж е, *Introduzione alla Linguistica indo-europea*, Torino, 1948; H. Krahe, *Sprachverwandtschaft im alten Europa*, Heidelberg, 1951; е г о ж е, *Sprache und Vorzeit. Europäische Vorgeschichte nach dem Zeugnis der Sprache*, Heidelberg 1954; е г о ж е, *Indogermanische Sprachwissenschaft*, Berlin, 1948 (испансский перевод этой книги вышел в 1953 г.); H. Pedersen, *Hittitisch und die anderen Indo-europäischen Sprachen*, Kobenhavn, 1938; е г о ж е, *Lykisch und Hittitisch*, Kobenhavn, 1945; O. Höfler, *Stammbaumtheorie, Wellentheorie, Entfaltungstheorie*, «Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur», Bd. 77, Heft 1, Tübingen, 1955; A. Schegel, *Worauf beruht die Verschiedenheit der indogermanischen Sprachen?* «Indogerm. Forschungen», Bd. LXI, Heft 2—3, 1954.